

Александр Котов

На какой почве Катков стал «московским громовержцем»?*

Aleksandr Kotov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

On what basis did Katkov become the «Moscow Thunderer»?

DOI: 10.31857/S086956870009268-5

Михаил Никифорович Катков не обделён вниманием историков. Книги о нём выходили и в дореволюционное, и в советское время, появляются они и в наши дни¹. Несколько хуже обстоит дело с изданием катковских текстов: в небольшие сборники рубежа XX—XXI вв. вошли в основном статьи «хватательно-охранительной» направленности. Более содержательный, включающий письма и отзывы современников шеститомник, к сожалению, лишён полноценного научного комментария и предназначен скорее для украшения полок в начальственных кабинетах, чем для увлекательного чтения или научно-исследовательской работы². Двухсотлетие со дня рождения Каткова, не став событием национального масштаба, заинтересовало в основном учёных, подготовивших два тематических выпуска почтенных консервативно-академических журналов³, «Диалог о книге» в «Российской истории»⁴ и несколько уютных конференций и семинаров⁵.

Книга А.В. Лубкова находится в этом ряду. Её беглый просмотр вызывает скорее недоумение — кажущийся мозаичным текст о молодости Каткова сразу же заставляет вспомнить сравнительно свежую, обстоятельную и хорошо известную специалистам

монографию С.М. Саньковой⁶. Впрочем, медленное чтение, — для которого работа Лубкова и предназначена, — оставляет иное впечатление. Оно было бы вполне благоприятным, если бы не странные ссылки на катковские произведения. Автор почему-то пользуется либо их сетевыми публикациями, либо упоминавшимся собранием сочинений в шести томах. Однако передовицы «Московских ведомостей» и в нём, и в Сети воспроизводятся, как правило, не по оригинальным газетным публикациям (кстати, далеко не всегда принадлежавшим перу самого Каткова), а по их «Полному собранию», изданному С.П. Катковой, где злободневные, особенно ранние, статьи нередко подвергались не менее тенденциозной цензуре 1890-х гг.

Лубков явно идеализирует своего героя. По его словам, «оригинальность, стремление к философскому наполнению содержания текста, попытка теоретической или научной обоснованности и вместе с тем отточенность слога и страстность отличают публикации Каткова. Он писал темпераментно, образно, изящно, в каждой статье ощущалась глубина и красота мысли и слова. Белинский откровенно завидовал “слогу Каткова”, достоинством которого он считал

* Лубков А.В. Михаил Катков: молодые годы. М.: МПГУ, 2018. 256 с.

“определённость, состоящую в образности”» (с. 151—152). С этим можно отчасти согласиться, если только не вспоминать о том, что в более поздний период современники — в том числе далеко не либеральные — часто отмечали грубость, высокомерие и обвинительный тон катковских выпадов. Из иных газетных столбцов, по словам Ф.И. Тютчева, «торчал сердитый горб» соиздателя «Московских ведомостей» П.М. Леонтьева⁷. Перу другого члена «катковского триумвирата» — Н.А. Любимова, вероятно, принадлежали такого рода ядовитые фразы: «Панургово стадо приходит в волнение, чтобы всячески препятствовать водворению солидного образования в России. Барашки производят удивительные эволюции и неумоимо работают. На них не действуют разумные доводы: на то они и барашки»⁸. Но, так ли иначе, катковский редакционный «триумvirат» был «неразрывным целым», и странно было бы ожидать изящества и красоты мысли от редактора, сказавшего русской печати «извозчикье: тпрру»⁹.

Сильно удивились бы западники и славянофилы XIX в., узнав, что именно Катков «практически воплощал русскую духовную традицию — идею соборности, гармонии целого и свободы составляющих его частей» (с. 11). И, конечно, ошибочно полагать, будто всегда «проводимые “московским громовержцем” идеи органично воспринимались в обществе и пользовались высокой степенью доверия», а «значимость его авторитета и роли в общественной мысли и жизни не вызвала сомнений» (с. 10). Всё же среди откликов на смерть Каткова (в том числе и в консервативных кругах) обнаруживается такое количество «сомнений» в его роли, которому посочувствовал бы любой диктатор XX столетия¹⁰.

Порою идеализация героя приводит автора книги к курьёзам. Так, повествуя о том, как молодой Катков старался устроиться на государственную службу в Петербурге, Лубков отмечает: «Предприимчивые попытки Каткова встретили самые негативные оценки у современников: “максимум амбиций”, “попасть к какому-нибудь тузу или тузику в особые поручения” — говорили злые языки» (с. 193). «Злым языком» оказывается, однако, сам Михаил Никифорович — тогда ещё «полумагистр», с иронией писавший о себе А.А. Краевскому: «Удастся ли мне найти порядочное место, сколько-нибудь согласное с моими занятиями и интересами? Как прежде казалось бы мне это легко, так теперь, когда я попрохладился и порастратился местами, кажется трудным. Maximum моей амбиции — попасть к какому-нибудь тузу или тузику в особые поручения, чтобы иметь, между прочим, случай ездить по Руси, — ибо это будет согласоваться с моими занятиями, по крайней мере, с одною стороною»¹¹.

Иногда может показаться, что автор монографии противоречит самому себе. Так, во введении Лубков вполне в духе либеральной традиции констатирует, что катковские «идейные взгляды претерпели со временем разительные изменения» (с. 5). Однако далее утверждается, что «те современники Каткова и его посмертные критики, кто с лёгкостью упрекали его в частой перемене взглядов, в оппортунизме и отсутствии принципиальной позиции в общественной и литературной деятельности, глубоко заблуждались» (с. 143). А в самом конце автор соглашается «с теми исследователями, кто полагает, что сути своих взглядов Катков не менял» (с. 237). Этот тезис звучал ещё в ранней советской историографии¹². Впрочем, противоречия здесь нет: «разительные изменения»

заметны в высказываниях Каткова о сословном представительстве, национальной политике, организации суда, университетской автономии и т.п., но основанного на «классицизме» и немецкой философии идеалистического «базиса» Михаил Никифорович и в самом деле никогда не менял¹³. Правда, если книга, как пишет автор, «знакомит читателей с Михаилом Катковым» (с. 5), следовало бы более чётко очертить постоянное и изменчивое в мировоззрении публициста.

В основе убеждений Каткова, по мнению Лубкова, лежала «идея личности», которая была «ключевой в его воззрениях и всей дальнейшей деятельности» (с. 234). Она сближала его с кружком Станкевича, но понималась будущим редактором «Русского вестника» более глубоко, что в конечном итоге и привело его к разрыву с либеральным секуляризмом (с. 108). К сожалению, степень этой глубины раскрывается в книге достаточно туманно. И в этом тумане историк, кажется, попадает из 1860-х прямо в 1990-е гг.: «Идея личности получит дальнейшее развитие у зрелого Каткова, когда он будет возвращать внимание российской элиты к решению актуальных проблем государства, показывать высшей бюрократии и всей российской элите её истинное призвание и предназначение. Великие реформы, затронувшие все стороны жизни общества, нашли горячий отклик и поддержку в Каткове как патриоте и гражданине. На страницах возглавляемых им изданий он будет обличать уродливые явления и глубокие проблемы, которыми оборачивались преобразования под руководством безответственных либеральных реформаторов. Своими действиями, а часто бездействием они дискредитировали реформы и нанесли непоправимый ущерб нацио-

нальным интересам страны и её будущему» (с. 237).

Несколько размытым получился и рассказ о докторской диссертации Каткова, посвящённой древнейшему периоду греческой философии, которая, наряду с шеллингианством, определила основу его мирозерцания. Признавая это, автор по преимуществу излагает отзывы современников и усматривает заслугу диссертанта в «рассмотрении истории мысли как целостного единого процесса со свойственными ему внутренними противоречиями». При этом «“возможности всего будущего обособления и разнообразия” на примере изучения идеальных моделей общества и государства демонстрировали приемлемые и неприемлемые пути развития, в том числе и для России» (с. 221). Для характеристики философических исканий молодого Каткова подобных наблюдений всё же явно недостаточно.

Впрочем, всё это не умаляет качества книги Лубкова, в которой «невольное сопоставление, на первый взгляд, диаметрально противоположных по своим взглядам людей, относимых к явно полярным “лагерям”, несовместимых по своим воззрениям, подчас выявляет нечто большее, чем собственно разделение на славянофильские и западнические платформы, левых или правых, почвенников или консерваторов, и обнаруживает действительное творчество национального самосознания на основе любви к своей Родине» (с. 9). В отличие от Саньковой, Лубков уделяет внимание не столько самому Каткову, сколько его окружению 1830—1850-х гг. В книге дана широкая панорама жизни московских интеллектуалов, из среды которых вышел будущий «идеолог контрреформ». Тут собрано всё: от погоды, родственников, воспитателей и покровителей

(самым колоритным из них предстаёт гр. С.Г. Строганов), университетских товарищей (включая экзотического Д.С. Кодзокова), властителей дум (сравнение идей Каткова и П.Я. Чаадаева вышло особенно удачно) до врагов и друзей по литературной и общественной борьбе — В.Г. Белинского, М.А. Бакунина, А.И. Герцена, П.М. Леонтьева и др. Лишённая монографической «проблемности», книга А.В. Лубкова помогает понять, на какой собственно «почве» явился «московский громовержец». И предсказуемость ответа — всё на той же, на московской, — не делает его менее ценным.

Примечания

¹ Сементковский Р.И. М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892; Неведенский С. [Щегловитов С.Г.] Катков и его время. СПб., 1888; Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978; Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб., 2007; Санькова С.М. Михаил Никифорович Катков. В поисках места (1818—1856). М., 2008; Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860—1890-х годов. СПб., 2016.

² Катков М.Н. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1—6. СПб., 2010—2012.

³ Тетради по консерватизму. 2018. № 3; Русско-византийский вестник. 2019. № 1(2).

⁴ Полунов А.Ю. В кругу Каткова // Российская история. 2018. № 5. С. 160—161; Медоваров М.В. Сущность катковизма // Российская история. 2018. № 5. С. 161—166; Комзолова А.А. Катков в окружении единомышленников // Российская история. 2018. № 5. С. 166—170; Мамонов А.В. Бюрократия и Катков // Российская история. 2018. № 5. С. 170—176.

⁵ Круглый стол (однодневная конференция) «М.Н. Катков: наследие и современность. К 200-летию со дня рождения» (6 марта 2018 г., Дом Лосева); Катковские чтения «От Катковского Императорского лицея до Дипломатической академии: к 200-летию М.Н. Каткова» (14 ноября 2018 г., Дипломатическая академия МИД России).

⁶ Санькова С.М. Михаил Никифорович Катков...

⁷ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем. В 6 томах. Т. 6. М., 2004. С. 128.

⁸ Московские ведомости. 1866. № 31. 10 февраля.

⁹ Розанов В.В. Сочинения. Л., 1990. С. 263.

¹⁰ Котов А.Э. «Зевса в Акрополе слепок»: русская журналистика над могилой М.Н. Каткова // Русско-византийский вестник. 2019. № 1(2). С. 222—243.

¹¹ Неведенский С. Указ. соч. С. 91.

¹² Пресняков А.Е. Воспоминания Е.М. Феоктистова и их значение // Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 7.

¹³ Подробнее см.: Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова... С. 54—56.